

ИВАНОВУ — УРА! УРА! УРА! УРА!

К юбилею философа, основателя издательства «Ад Маргинем»

ИВАНОВУ — 70. И в это почти невозможно верить, хотя юбилей Александра Терентьевича вполне сочетается с солидным возрастом издательства "Ад Маргинем", которое недавно открыло четвёртый десяток.

Название издательства (в переводе с латыни — "по краям") возникло по мотивам картины Пауля Клее, где основное изображение находится с краю, а в центре пустота. Старинный и довольно привлекательный образ для интеллектуалов, когда самое интересное и важное находится на краю, а в frontиpе, в зоне столкновений и взаимодействий теорий, практик, культур.

История издательства начиналась с первых переводов на русский язык текстов Мишеля Фуко, Жюль Делёза, Мартина Хайдеггера и др. Затем стали издавать современную социальную прозу (Эдуард Лимонов, Владимир Сорокин, Кристиан Крахт, Джонатан Литтелл и др.). Именно "Ad Marginem" открыло для большой аудитории Михаила Елизарова, Дмитрия Лехуха, Захара Прилепина. Последние годы издательство обращается к актуальным проблемам искусства, теории культуры, этнографии, антропологии, современной философии.

Из московской редакции, в которой работало буквально три человека, "Ад Маргинем" превратилось в солидное издательство, выпускающее до сотни позиций в год и про-

водящее массовые книжные фестивали в самых разных регионах России. И мы имеем дело уже с третьей или даже четвёртой версией издательства, но несмотря на все трансформации, книги "Ад Маргинем" узнаваемы. Иванов на это обычно замечает: "Для того, чтобы сохранить себя, нужно всё время меняться". Но есть и вечные установки на особость, "немейнстримность", на сочетание в издаваемых книгах "литрической и интеллектуальной интонации".

ЧЕТВЕРТЬ века назад Александр Иванов совершил знаменитый визит в редакцию "Завтра", описанный Львом Пироговым в искромётной статье "Всё у них получится". Вскоре в "Ад Маргинем" вышло второе издание романа "Господин Гексоген", мощно сдетонировавшее в общественном пространстве. Роман получил премию "Национальный бестселлер", издательство обрело новую аудиторию и чуть линилось прежней.

В "Завтра" вышла первая беседа с руководителями издательства, звучно названная "Культура движется взрывами" — о новом витке деятельности издательства, об издании "Гексогена", о кризисе прежних культурных институций. В итоге "Гексоген" и ситуацию с ним разбирали аж на заседании сектора аналитической антропологии Института философии.

А Владимир Сорокин впоследствии мстительно вывел Иванова в "Дне опричника" в образе "палача московской интеллигенции". Хотя Александр Терентьевич всего-то оказался более последовательным вольнолюбцем и взрывателем идеологических шаблонов, нежели сам скандальный писатель.

ИВАНОВ — один из интересных современных философов, просто он не особо увлечён производством текстов. Обращаясь к истории философии, он запросто выдаёт неожиданную интерпретацию самых известных текстов и имён, даёт особый ракурс. А по современности он порой выступает дантовским Вергилием, круче всех объясняя болевые точки реальности. К слову, "Ад Маргинем" ещё шесть лет назад выпустило книгу французского философа Грегуара Шамаю "Теория дрона", и будущее войн внезапно стало нашим общим настоящим.

Кстати, Иванов вместо очевидной аспирантуры по окончании Белорусского государственного университета ушёл в армию — командиром миномётного взвода, потом год — дознавателем в военной прокуратуре Минского гарнизона. И этот армейский опыт дал ему новые изменения для понимания жизни, фундамента и для будущей издательской деятельности.

Беседы с Александром Ивановым — это особый

жанр газеты "Завтра". Иванов выступал как издатель, как эксперт по книжному миру, как интерпретатор советского

опыта, как толкователь авангарда и русской религиозной философии, Ленина и Маркса.

Дорогой Александр Терентьевич! От лица коллектива газеты "Завтра" искренне поздравляю Вас с юбилеем! Желаю крепкого здоровья и новых прозрений!

Андрей СМЕРНОВ

ОТТЕПЕЛЬ — это не столько научно-исторический термин, сколько социокультурный, хотя бы потому, что даже чётких рамок нет. Это образ, а не даты в хроникальном повествовании. Кто-то полагает, что оттепель — временной промежуток от смерти Иосифа Сталина до прихода к власти Леонида Брежнева. Другие исследователи включают в оттепель ещё несколько лет, до окончания солнечных шестидесятых. Литературеды склоняются к мысли, что "эра искренности" началась в момент выхода знаковой книги "Оттепель" Ильи Эренбурга, то есть в 1954 году.

В любом случае то был интереснейший этап в жизни советского общества, когда приветствовались новизна и свежесть восприятия. Мир казался открытым, а космос — познаваемым. Коммунизм? Достижим! Яблони на Марсе? Вскоре непременно будут! Наивность соче-

неоново-нейлоновые 1960-е. Все увлеклись доисторическим наследием, по-снобски отрицая Фидию и Праксителя.

В живописи и скульптуре победил "суровый стиль", где не было места прилаженности. Вместо рабочих с наружностью Геракла явились персонажи с простыми лицами. Спецовки замызганы. Сапоги — в глине. Кепки — выдавшие виды. "Монтажники" (1968) Юрия Чернова — это жёсткие линии и презрение к красавицам. Суровый стиль — антипод высшего пафоса. Титани пролетариев — из толпы, а не с Олимпа. Произведения Чернова реалистичны и без остроумных вывертов. Например, портрет скульптора Лео Ланкина, коллеги и друга. Точное воспроизведение натуры, но без излишней фотографичности. Рядом — "Помор" (1966) — творение самого мастера. Строгое, резковатое, но при этом не агрессивное

кость — она рождает катарсис восприятия, когда хочется воскликнуть: "Но как?!"

Ещё один сюжет Вахрамеева — "Мальчик с птицами" (1972). Угловатый отрок и любимые голуби — расхожий сюжет тогдашнего бытия. Пацаны проводили целые дни на голубятнях, где ухаживали за питомцами, а ещё читали потрёпанные книги о морских приключениях и пиратах, мечтали, размышляли о будущем. Парёк смотрит в небо — там космос да мириады созвездий, а пока — прирученные турманы, любящие высь и облака.

Сопроводительный текст гласит, что бронзовая группа "Семья Древних" (1974) изображена у себя дома, на Ясницкой. В центре — скульптор Андрей Древин, справа — его жена Вероника, историк искусства, а с другой стороны — их дочь Екатерина, также связанная с искусствоведением. Вахрамеев показал общность вкусов и смыслов, хотя понача-

писал: "Должен сказать, что я и мои друзья никогда специально не стремились к неконформизму или к какому-то особому пути в искусстве. В молодости мы старались овладеть мастерством живописи, рисунка. Выйдя из войны, где каждому пришлось немало хлебнуть, мы и дальше старались идти прямой дорогой. Так что если и можно говорить о моём каком-то особом почерке художника и скульптора, то складывался этот почерк естественно".

Дивен, одухотворён его "Космонавт" (начало 1960-х годов), старающийся одолеть притяжение Земли. Человек протягивает руку в дерзком порыве, чтобы дотронуться до звёзд. Тема полёта была невероятно близка Неизвестному, равно как и желание подчинить себе непослушный материал, который сам по себе летать не может. О космосе дискутировали, писали и пели все — грелилось, что не пройдёт и десятки лет, как мы окажемся за пределами Солнечной системы, найдём братьев по разуму, а полёт на Луну станет обыденностью, как маршрут "Москва — Ленинград". Надежды так и остались на страницах фантастических романов, как, впрочем, и обещанный коммунизм. Разочаровались все — и скульпторы тоже.

ЗРИМО И СУРОВО

Выставка «Они были разными. Скульптура Оттепели» в Центре современного искусства «Азарт»

талась с культом разума, науки, формул. Спорили физики да лирики, выясняя, в чём истина. Бессмертие или, по крайней мере, долголетие — заваправданная цель, а не сказка про Кощея.

"С эры Общего Труда мы стали жить до ста семидесяти лет, а теперь выясняется, что и триста не предел. ...Грому Орму не могло быть меньше ста тридцати лет, он был вдвое старше Дар Ветра", — подчёркивается в романе Ивана Ефремова. Энергия и бодрость — вот синонимы оттепели. "От карпатских долин до Таймыра / Мы идём по дорогам крутым. / Коммунизм — это молодость мира, / И его возводить молодым!" — звучало из радиоточек, а юность была непримирима ко всему отжившему, включая барочные формы сталинского зодчества и монументально-классические позы скульптур. Минимализм и грубоватость — это почерк оттепели.

В Центре современного искусства "Азарт", что на Маросейке, сейчас проходит выставка "Они были разными", посвящённая ваянию оттепельного периода, и что характерно: в экспозицию включены работы как официально признанных скульпторов, так и неконформистов. Задача устроителей — показать настроение, смыслы, идеи. Отрефлексировать. Осмыслить. Это разговор не только о визуальных высказываниях той эпохи, но и о самом духе, что подпитывал и Олега Комова, члена Союза художников с 1959 года, и Вадима Сидура — затейника и неформала.

Гостей встречают динамичные "Ночные певцы" (1969) Татьяны Соколовой. Их фигуры протескны и вместе с тем узнаваемы. Перед нами — два парня с гитарами и длинноволосая девушка. Что они поют — дворовый шансон или хит битлов? На дворе — излёст шестидесятых, когда в СССР проникли идеалы хиппизма, тонко продемонстрированные в мультфильме "Бременские музыканты", вышедшем в том же году. Работа Соколовой иронична, словно бы автор призывает своих персонажей: "Пойте, кричите, пока молоды!" — или, как писал гурзу шестидесятников Василий Аксёнов: "Танцуйте, пока вам семнадцать! Танцуйте, и прыгайте в сёдлах, и ныряйте в глубины, и ползите вверх с альпенштоками. Не бойтесь ничего, всё это ваше — весь мир". Соколова — дама под сорок, хозяйка дома, жена художника Гурия Захарова, но время диктует облики младости, и девочка из группы ночных певцов чем-то смахивает на Принцессу — подругу всё тех же "Бременских музыкантов". Композиция построена так, что она не раскрывается с одной точки, и требуется обойти её, дабы понять всю структуру.

На выставке есть и другие работы Соколовой — в частности "Материнство" (1966). Это автопортрет с дочерью Наташей. Обобщённость форм, никакой детализации — фигура матери напоминает первобытные статуэтки богинь-хранительниц, и лишь узнаваемая причёска бабetta говорит нам о том, что это

лицо северянина — это ли не лучшее выражение сурового стиля?

Великолепна "Тяжёлая индустрия" (1976) Юрия Александрова — здесь отсутствует персонаж, точнее, оным является индустрия как таковая — силуэты заводов, детали станков, трубы и перекрестия. Это спрессованная мощь, символ века, гимн техническому развитию. От композиции веет силой, и вспоминается фраза из кинофильма "Высота" — об особой промышленной красе, бесполой и яростной. Примечательно, что в экспозиции много работ 1970-х годов — устроители значительно расширили все возможные и невозможные границы оттепели.

Потрясающе задумано "Стекло" (1958) Олега Комова, ещё одного адепта суровых будней. Собственно, стекла-то и нет — сплошная бронза. Женщина моет окно — мы видим раму, а рука в перчатке касается воображаемой поверхности, но это сделано так, что оконная гладь кажется реальной.

Не менее воспитителен портрет Ольги Корбут, созданный Владимиром Вахрамеевым. Прославленная гимнастка показана в прыжке, и всё сосредоточено на изгибе узкого тела. Изумительна лёг-

ло кажется, что персонажи не взаимодействуют, ибо разделены невидимыми барьерами. У каждого — свой путь? Да, но при внимательном рассмотрении понимаешь, что Древины живут сообща, дружно. Они — трио. Шестидесятников роднила важная черта — умение передать эмоциональные, духовные связи людей не через контакт персонажей, а через насыщенность, создаваемую их присутствием.

Не оставит равнодушными композиция "Виктор Попков и его муза" (1973), придуманная Даниэлем Митлянским. Художник Попков был одним из гурзу сурового стиля, мастером, признанным и в Советском Союзе, и за рубежом. Скульптор изобразил "метафорическую среду", как сказано в

сопроводительной табличке, — живописец и его модель, пожилая крестьянка, находящаяся в разных плоскостях, но объединены пространством холста. Эта работа по духу не оттепельная — здесь типичные семидесятые с их постмодернистскими играми. Оттепель — это прямолинейность, а тут — многослойная фантазия.

Те, кто Эрнста Неизвестного кличет диссидентом и возмутителем благости, правы лишь отчасти. Он не старался никого шокировать. Поначалу, во всяком случае. В своих мемуарах Неизвестный

ОТДЕЛЬНЫЙ поджанр ваяния — деревянная скульптура, входящая к народной традиции. Удивительны работы Дмитрия Шаховского — его стиль нарочито брутален, словно бы единственным инструментом автора был топор. Композиция "Беседа" уютна и душевна. Три мужика сидят вокруг стола и о чём-то рассуждают — под выпивку. Собразили на троих, и теперь надо завести философский разговор. О чём речь? Быть может, и об искусстве. Это не карикатура, высмеивающая пристрастие к дарам Бахуса, но отображение одной из граней бытия. Замечателен "Камчатский старожил" (1966) — стройный, подтянутый старик с морским биноклем. В 1960-х годах дерево было востребованным материалом — тогда же началось активное исследование пермской деревянной скульптуры XVII–XIX веков, уникального явления, представляющего мировую ценность.

Рельеф Юрия Александрова "Молодые художники показывают свои картины" (1969) выполнен в реалистической манере. Мы наблюдаем волнующую сцену — отбор произведений. Выставочные комитеты были ключевым инструментом государственного контроля над искусством и отсеивали халтуру, выдаваемую за "поиск линий". Александров запечатлел не выдуманных героев, а своих реальных коллег — Дмитрия Жилинского, Виктора Полкова, Игоря Обросова, искусствоведа Светлану Гейнелъ и других участников процесса.

Визуальный язык Вадима Сидура не всем понятен, однако налицо явный талант. Его медная "Структура № 1" (начало 1970-х годов) — это хитросплетённая штука, завораживающая своими извилинами. В 1970 году Сидур получил от Института морфологии человека заказ на создание монументально-декоративной композиции, которую планировалось установить перед центральным входом. В аннотации сказано, что "...отправной точкой для образного решения стала тема исследования учреждений-заказчика — мозг человека". Сидур слыл абстракционистом, и потому извилины получились фантастическими. Всё это похоже на барочную виветку, упорно принаравливающую к научно-индустриальной эпохе. В любом случае это привлекательно.

"Они были разными" — сообщает название выставки, но у шестидесятников — единый порыв. "Я разный — я несчастливый и праздный. / Я целе- и нецелесообразный. / Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый. / Я так люблю, чтоб всё перемешалось! / И столько всякого во мне перемешалось от запада и до востока, от заисти и до восторга! / Я знаю — вы мне скажете: "Где цельность?" / О, в этом всёам огромная ешь ценность!" — воскликнул Евгений Евтушенко, подразумеывая, что и отдельный человек бывает всяким, а что уж говорить о когорте художников, скульпторов, поэтов?

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: барельеф «Суд Пилата». Скульптор Владимир Лемпорт. 1964 г.

НИКАНОРОВ

Теоретик систем

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте завтра.ру. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

ПЕРВОГО МАЯ 1960 года советская ракета С-75 "Двина" над Уралом в районе Свердловска (ныне Екатеринбург) на высоте около 20 км с первой попытки успешно поразила ранее неуязвимый американский самолёт-разведчик "Локхид У-2" (нашумевшее "дело Пауэрса"). А одним из создателей систем управления новейшим на тот момент отечественным чудо-оружием, которое на долгие годы надёжно прикрыло небо нашей Родины и дружественных стран от непрошенных гостей (что было неоднократно подтверждено, в том числе в ходе Карибского кризиса), и с учётом опыта использования этого зенитно-ракетного комплекса позволил разработать отечественные системы ПВО С-300, С-400 и С-500, был физик и инженер Спартак Петрович Никаноров (30 августа 1923 г. — 29 января 2015 г.), работавший в оборонной отрасли с 1946 года.

И то, что от конструирования технологических систем он в 1960-е годы перешёл к разработке технологий системного конструирования в целом, было следствием как осмысления им своего профессионального опыта, так и общей атмосферы послевоенной (а для нашей страны — после-Победной) научно-технической революции, открывавшей перед человечеством, казалось бы, безграничные (во всех смыслах) возможности для плодотворного взаимодействия научных знаний с техническими умениями. Спартак Никаноров, что называется, с головой погрузился в эти ещё не изведанные воды, став одним из ведущих исследователей, идеологов и разработчиков систем организационного управления (СОУ) — как локальных и отраслевых (например, в угольной промышленности и в атомной энергетике СССР), так и более масштабных (в частности, ставшей легендарной, но так и не воплощённой на практике всесоюзной автоматизированной системы управления (АСУ) производством, созданной совместно с академиком В.М. Глушковым, призванной оптимизировать работу Госплана, но встретившей жёсткое противодействие высшей советской номенклатуры на уровне Политбюро ЦК КПСС).

Основанная Никаноровым в начале 1970-х годов неформальная "Школа концептуального анализа и проектирования систем организационного управления" на протяжении почти четырёх десятилетий выступала едва ли не главной "точкой роста" отечественной "суммы технологий" в теории систем — как социальных, так и природных. Никанорова интересовало буквально всё: допустимые и возможные пределы функционирования систем с той или иной элементной базой, способы целевого варьирования их работы во времени и пространстве, помехоустойчивость и так далее.

Неудивительно, что с именем Никанорова связано появление таких понятий, как "наукоград" (форма организации человеческого сообщества по производству идеального продукта; прототипы — академии наук в разных странах мира, "шарашки" в сталинском СССР; современные примеры — аналоги новосибирского Академгородка; следующая остановка на этом пути — Кремниевая долина в районе американского Сан-Франциско) и "оргооружие" (средство поражения в гибридной войне нового типа). А бесспорные успехи того же "Росатома" сегодня во многом основаны на его идеях.

ВНШЕШЕМ восстановлении России как державы мирового уровня сыграли свою роль и его многочисленные лекции по концептуально-целевому проектированию, сетевому планированию и управлению, и перевод (с предисловием, 1969 г.) книги Стэнфорда Л. Олптера "Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем", и капитальный труд "Уроки СССР. Исторически нерешённые проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР" (2012). В своём интервью, данном нашей газете ("Завтра", 2013, № 14) Никаноров подчёркивал: "Господствующий дискурс, который почему-то называют "либеральным", представляет собой, по сути, очень сильно редуцированный и приспособленный к нуждам крупного капитала марксизм. Куда он приведёт — уже сейчас все понимают. ...Советский проект был не ошибкой истории, а наоборот — очень важным шагом на пути развития человечества. ...Те проблемы, с которыми столкнулся и которые успешно решал СССР за годы своего существования в постоянной борьбе за выживание в жесточайших, экстремальных условиях и ограничениях исторического времени под руководством русского генерала И.В. Сталина, и те задачи, которые он попытался, но не успел решить (или ему не дали?), сегодня уже становятся актуальными для всего человечества. ...Ведь, наверное, не зря и с какой-то целью затаивалась весь этот прекрасный мир, это разумное и пока ещё не совсем зависимое и пропащее человечество. Видимо, не для того же, чтобы так глупо и примитивно всё профукать и скатиться в лапы международных финансовых спекулянтов и их ТНК — людоедской диктатуры (тирании) либеральных рыночных фундаменталистов".

По словам Александра Проханова, Спартак Петрович "стоит в ряду таких людей, как маршал Георгий Жуков, Игорь Курчатов, Андрей Туполев, Сергей Королёв, Михаил Калашников, Михаил Шолохов", и других "гигантов советской Атлантиды". Как утверждали практически все его ученики и последователи, во многих отношениях Никаноров "обгонял своё время", был уникальным "реактором мыслей", чьё творческое наследие и сегодня остаётся по большей части невостребованным. А следовательно, в значительной мере принадлежит будущему нашей страны и всего человечества.

Владимир ВИННИКОВ